

Ловый журнал
КН XLVIII
1957

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

М. А. АЛДАНОВ

Еще так недавно, чествуя Марка Александровича Алданова по случаю его семидесятилетия, русская эмиграция объединилась в выражении ему своей любви и признательности и в единодушно высокой оценке его литературного творчества. Сейчас, после его ухода от нас, в сознании понесенной нами огромной потери, мы еще острее ощущаем сколь многим мы ему обязаны и какую большую роль он играл в нашей жизни. И вместе с тем под непосредственным впечатлением этой потери особенно трудно найти слова, чтобы с достаточной полнотой и точностью определить значение М. А. Алданова в истории русской литературы. Его творчество заслуживает пристального и серьезного изучения, и надо надеяться, что этот свой долг эмигрантская литература выполнит.

Теперь же наша мысль обращается прежде всего к Марку Александровичу, как человеку. Повторим здесь то, что мы уже писали в своем юбилейном ему приветствии: для эмиграции он был одним из самых любимых писателей, с которым она ощущала себя особо тесно связанной. И объясняется это не только характером его литературных произведений — это было результатом и личного воздействия М. А. на эмиграцию. Он не был активным политиком, не играл — да и не искал — руководящей роли в каких-либо эмигрантских организациях. Тем не менее можно утверждать, что он принимал большое и живое участие в культурно-общественной жизни эмиграции. Но делал он это по-своему — путем личных отношений. Известно, какой огромный круг знакомств и связей был у него в самых разнообразных кругах эмиграции, сколько времени он отдавал личным встречам и еще больше — переписке. Показательно, с каким единодушием писавшие после его смерти отмечали его доброжелательность, его неизменно внимательное отношение ко всем, в том числе и мало ему знакомым, людям. Это несомненно была одна из его отличительных черт. Но она имела свой особый характер, придающий ей не только личное, но и общественное значение.

По натуре своей М. А. не был экспансивным, с «душой нараспашку», человеком. Напротив, он был очень сдержан в выражении своих чувств. И тот скептицизм, который сказался в его писаниях, был свойствен ему и как человеку. Никаких иллюзий насчет человечества он не имел, все человеческие слабости были ему хорошо известны, и к человеческой жизни он относился не без иронии, но ирония эта была не злобной, а снисходительной. Она умерялась в нем его подлинным гуманизмом, и потому его сомнение действовало в двух направлениях — не только против человека, но и в пользу человека. В основе его благожелательности лежало то, что он был прежде всего человеком культуры — не только умственной, но и душевной, не только личной, но и общественной. Этим благожелательность его нисколько не умаляется — напротив. Людей от природы общительных и добродушных на свете не так уж мало. Гораздо меньше людей, воспитывающих в себе чувство терпимости, готовность понять другого, способность воздержаться от скороспелых осуждений и, когда нужно, пойти на уступки. В наше время люди такой душевной дисциплины встречаются не очень часто. М. А. Алданов обладал ею в высокой степени — и в этом была его особенность и его ценность.

С. П. МЕЛЬГУНОВ И С. В. ПАНИНА

В этой небольшой заметке мы объединяем имена скончавшихся в прошлом году двух общественных деятелей, очень отличных друг от друга, но одинаково пользовавшихся широкой известностью в эмиграции.

Сергей Петрович Мельгунов был историком, публицистом и активным политическим деятелем. Это соединение научно-исторических интересов с сильно развитым чувством гражданского долга отличало С. П. с самой его молодости. Подобно В. И. Семеvскому и В. А. Мякотину, с обоими из которых он был тесно связан, он не сделался академическим историком, а отдал значительную часть своего времени и энергии общественной работе. Характерна была и направленность его исторических интересов. Она шла по линии истории русских общественных движений и политических идей восемнадцатого и девятнадцатого века. Помимо собственных монографий и многочисленных статей С. П. вложил свои силы в организацию и редактирование больших коллективных работ, в том числе — посвященных истории русского масонства и «эпохе великих реформ». Усилиями С. П. был создан исторический журнал «Голос Минувшего», явившийся как бы продолжением бурцевского «Былого». В предреволюционной Москве С. П. был видной и ши-

роко известной фигурой, одним из выдающихся представителей умеренно левого направления русской общественности. В те годы он принадлежал к народно-социалистической партии, созданной теми последователями народничества, для которых была неприемлема революционная тактика социалистов-революционеров.

Большевистский переворот встретил в нем безоговорочного и непримиримого противника. Оставшись в Москве, он принимал участие в конспиративных антибольшевистских организациях, и эта его политическая работа едва не стоила ему жизни. Его эмигрантское существование началось в 1922 г., после того, как ему было разрешено выехать из России. Деятельность его в эмиграции шла по тем же линиям, что и на родине. По-прежнему он соединял свою работу в области русской истории с журналистикой и активным участием в общественно-политической жизни. Он возобновил издание исторического журнала, сначала под названием «На Чужой Стороне», а позднее — «Голос Минувшего на Чужой Стороне». Уже после войны он был в течение некоторого времени редактором журнала «Возрождение». Его исторические работы эмигрантского периода почти целиком были посвящены событиям революционного времени. Это неизбежно внесло в них публицистический элемент (можно думать, что сам С. П. не отделял в себе историка от политика) и столь же неизбежно вызвало возражения со стороны несогласных с его интерпретацией. Во всяком случае ему принадлежит почин первого детального изучения отдельных моментов в развитии русской революции, с результатами которого всем дальнейшим исследователям так или иначе придется считаться.

Политическая деятельность С. П. Мельгунова в зарубежный период его жизни сводилась главным образом к попыткам объединить различные группы эмиграции для совместной борьбы с большевизмом. Попытки эти не увенчались успехом, но, как известно, не удались они и никому другому. В актив политической работы С. П. Мельгунова несомненно следует отнести его решительную борьбу с соблазном «советского патриотизма» в первые после войны годы. В его лице эмиграция потеряла человека, горячо преданного России и делу ее освобождения.

Софью Владимировну Панину едва ли можно назвать политическим деятелем. У нее были свои политические убеждения, она принадлежала к кадетской партии и принимала некоторое участие в ее работе. Но не это является отличительной чертой, определяющей ее облик, и не в этом был ее жизненный пафос.

Если исходить из распространенного в дореволюционной России разделения между государственно-политической и культурно-общественной деятельностью, то можно сказать без колебаний, что именно к последней лежало сердце Софьи Владимировны. Из печатаемых нами ее воспоминаний видно, что главным делом своей жизни она считала участие в создании Народного Дома в Петербурге. В воспоминаниях этих, вопреки намерениям автора (с отличавшей С. В. скромностью она явно преуменьшает свою — в сущности, решающую — роль в этом замечательном культурном начинании), облик ее встает с такой яркостью, что к ним едва ли можно что-либо добавить. Можно только подчеркнуть некоторые характерные черты подхода С. В. Паниной к общественной работе.

Обычное, банальное понятие «благотворительности» к тому, что делала С. В., никак не применимо. В одном месте своих воспоминаний она отвергает даже идею о жертвенности тех, кто такую работу делает: нельзя говорить о жертве там, где дающий находит такое глубокое удовлетворение и от самого процесса творческого созидания, и от повседневного общения с получающим. Непосредственные человеческие взаимоотношения были для С. В. неотъемлемым и чрезвычайно ценным элементом всякой общественной работы. Из отвлеченного понятия эта работа становилась конкретным, живым и личным делом, в котором любовь к ближнему заменяла любовь к дальнему. То же относится и к содержанию общественной работы такого типа. И оно определялось не стремлением к каким-либо общим, отдаленным целям, а потребностью удовлетворить непосредственные, жизненные человеческие нужды — удовлетворить их в данное время и в данном месте, в тех размерах, в каких это оказывалось фактически возможным. В воспоминаниях своих С. В. где-то говорит о «маленьких-великих» людях. Можно сказать по аналогии, что в ее работе для нее не было «малых дел» — были только «малые-великие» дела.

И еще одно нужно отметить. В представлении С. В. удовлетворение человеческих нужд не сводилось к заботе об улучшении материального положения тех, для кого она работала. Многие было сделано Народным Домом и в этом направлении. Но основным в глазах С. В., как и ее сотрудниц и сотрудников, было удовлетворение духовных потребностей посетителей Народного Дома. Как в те предреволюционные годы, так и позднее, до конца ее жизни, главной заботой и главным делом С. В. Паниной была борьба за дух человеческий. Это и сделало ее одной из замечательных русских женщин нашего времени.